

ШУВАЛОВ ИВАН ИВАНОВИЧ

Один из первых русских просветителей, покровитель М.В.Ломоносова, куратор Московского университета и Академии художеств, Иван Иванович Шувалов родился 1 ноября 1727 г. в Москве в небогатой дворянской семье. Его отец капитан гвардии Иван Максимович Шувалов и мать Татьяна Родионовна Ратиславская не могли и предположить, какая блистательная карьера ожидает их сына. Если бы не возвышение двоюродных братьев будущего мецената — Петра и Александра Шуваловых, с детства служивших при дворе цесаревны Елизаветы Петровны, а с ее восшествием на престол занявших важные места в правительстве — их скромного кузена ждала бы самая обыкновенная судьба. Поверхностное образование, служба в полку, незаметные должности... При тихом, невоинственном характере Ивана Ивановича ему вряд ли удалось бы выдвинуться на армейском поприще.

Семилетняя война не могла стать для него, как для многих других, ступенью к возвышению. Но Фортуна улыбнулась нашему герою очень рано, он избежал прелестей казармы, плаца и бивуака.

Петр и Александр пристроили родственника пажом ко двору. Здесь его обязанности были необременительны, высвобождая много времени для столь любимого Шуваловым чтения. «Я вечно его находила с книгой в руке, — вспоминала впоследствии Екатерина II, в тот момент еще великая княгиня. — Я тоже любила читать, и вследствие этого я его заметила; на охоте я иногда с ним разговаривала; этот юноша показался мне умным и с большим желанием учиться... он также иногда жаловался на одиночество, в котором его оставляли родные; ему было тогда восемнадцать лет, он был очень недурен лицом, очень услужлив, очень вежлив, очень внимателен и казался от природы очень кроткого нрава»¹. Между молодыми людьми могла возникнуть симпатия. Их сближали многие черты характера: любовь к чтению, мягкость, кротость, желание учиться и — общее одиночество. Но великая княгиня была не единственной дамой, оценившей красоту и вежливость юного пажа.

Близкая подруга императрицы Мавра Егоровна Шувалова, жена Петра, познакомила Елизавету с одаренным молодым человеком. Осенью 1749 г. начался фавор Ивана Ивановича. Прежний «случайный вельможа» А.Г.Разумовский без скандалов и публичных сцен удалился от дел, а Шувалов занял его апар-

¹ Екатерина II. Записки. —СПб., 1906. С. 109.

таменты во дворце и получил чин камер-юнкера. Почти двадцатилетняя разница в возрасте и полная несхожесть характеров не помешала им с Елизаветой Петровной создать довольно устойчивый политический и личный альянс. Мягкость и внешняя уступчивость нового фаворита только способствовала укреплению отношений. Он не противоречил августейшей покровительнице, постоянно подчеркивая, что во всем выполняет ее волю, не вмешивался в придворные дразги, но в нужных обстоятельствах умел деликатно отказать навязчивому просителю, уклониться от давления влиятельных вельмож, отстоять государственные интересы. Так, в 1759 г. канцлер М.И.Воронцов по-дружески просил Шувалова выхлопотать для него у императрицы монопольное право на вывоз за границу хлеба. Иван Иванович объяснил, что России монополия будет вредна, а он не может поступить в таком вопросе «против своей чести»².

Внешне избегая чинов, орденов и щедрых пожалований, Шувалов с годами сосредотачивал в руках все больше власти. Особенно это стало заметно в последние шесть — семь лет жизни Елизаветы Петровны, когда государыня все больше болела, не любила показываться на публике и почти постоянно жила в Царском Селе. После громкого дела канцлера А.П.Бестужева-Рюмина, когда этот политический гигант утратил вес и отправился в ссылку, роль доверенного лица императрицы стала еще более значительной. Шувалов остался ее единственным докладчиком и секретарем, через его руки шли все важнейшие документы, им же подготавливались указы «к высочайшему подписанию».

«Он вмешивается во все дела, не нося особых званий и не занимая особых должностей, — писал в 1761 г. секретарь французского посольства Ж.Л.Фавье. — Чужестранные посланники и министры постоянно видятся с Иваном Ивановичем Шуваловым и стараются предупредить его о предмете своих переговоров. Одним словом, он пользуется всеми преимуществами министра, не будучи им; впрочем, влияние на дела он имеет, действуя сообща со своими двоюродными братьями»³.

Тем не менее если мы приглядимся к политической жизни России того времени, то след Шувалова окажется не таким уж и заметным. Он не претендовал на первенство в решении важнейших внешних и внутренних задач государства — для этого находились люди более амбициозные. Например, его двоюродные братья или М.И.Воронцов, мгновенно вознесшийся с падением Бестужева. Самого же Ивана Ивановича манило другое поприще. Не будучи человеком творческим, он бескорыстно любил науку, искусство и просвещение. Роль Мецената, покровителя ученых, поэтов и художников, в конечном счете определявшего направление развития русской культуры, казалась ему очень притягательной.

Необходимость поднять отечественное просвещение на европейский уровень принималась им очень близко к сердцу. Он считал, что начатое при Петре I освоение западных культурных ценностей было приостановлено из-за нерадения последующих государей об образовании подданных. Иностранцы по происхождению, они не заботились о развитии «страны им чуждой». «Вот почему, — писал Шувалов французскому философу К.-А.Гельвецию в 1761 г., — благородная ревность к учению совершенно была погашена во многих моих соотечественниках... Столь неприятный для нас промежуток времени дал повод некоторым иностранцам несправедливо думать, что отечество наше не способно производить таких людей, какими бы они должны быть»⁴. В речи на открытии Московского университета ученик Ломоносова

² Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. — М., 1999. С. 221.

³ Фавье Ж.Л. Записки секретаря французского посольства в С.-Петербурге // Исторический вестник, 1887. Т. 29. С. 392.

⁴ Русская культура и Франция. — М., 1937. С. 272.

Н.Н.Поповский призвал будущих учеников: «Уверьте свет, что Россия больше за поздним начатием учения, нежели за бессилием в число просвещенных народов войти не успела»⁵. Под этими словами мог бы подписаться и Шувалов.

Как и многие его современники, Иван Иванович получил образование в основном из книг, что называется, «самоучкой». Он не мог похвастаться, что закончил какое-нибудь известное учебное заведение. Однако его познания были очень широки, а врожденный такт и наблюдательность позволили перенять утонченные манеры, так что Шувалов производил впечатление по-европейски образованного человека. Общавшиеся с ним иностранцы никогда не упрекали фаворита в бессистемной мешанине знаний, а именно этот недостаток вкупе с дурным воспитанием часто ставился в вину просвещенным русским XVIII в. По воспоминаниям княгини Е.Р.Дашковой, Шувалову присылали из Франции все книжные новинки⁶. Он долго и планомерно занимался комплектованием своей личной библиотеки, а когда подарил ее Академии художеств, там оказались книги по самым разным областям знаний.

Середина и вторая половина 1750-х гг. — время расцвета меценатской деятельности Шувалова. В 1754 г. под покровительством Ивана Ивановича в России появился первый литературный журнал. Он носил красноречивое название «Le Cameleon letteraire» («Хамелеон переписки»), печатался на французском языке и был посвящен, главным образом, вопросам французской литературы. Такой подход в тот момент был вполне оправданным: отечественная изящная словесность развивалась под мощным влиянием французской просветительской мысли и была во многом «хамелеоном», принимавшим окраску окружающей среды. Она мучительно менялась, осваивая европейские стандарты, и пока имела очень мало своего. Журнал печатался в типографии Академии наук, его редактором был писатель-масон Т.Г.Чуди, секретарь фаворита. Издание знакомило публику с заграничными книжными и театральными новинками. Через год появился другой журнал, более русский по своей тематике — «Ежемесячные сочинения». Его публикация началась по проекту М.В.Ломоносова и в значительной мере на средства Шувалова⁷.

Важное место в просветительской деятельности Ивана Ивановича занимали контакты с Вольтером. Эти взаимоотношения были неоднозначны. Преклоняясь перед гением патриарха французского Просвещения, Шувалов — человек верующий и благонамеренный — не разделял суждений философа в отношении церкви и королевской власти. Уже путешествуя по Франции в 1766 г., Иван Иванович заметил падение нравственности в некогда религиозной стране и считал произошедшее следствием популярности книг Вольтера и «Анциклопедии»⁸. На склоне лет, крутя в руках томик фернейского затворника, бывший фаворит сказал: «Вот, как не люблю его, бестию... а приятно пишет!»⁹. Надо думать, многое в творчестве Вольтера настораживало Шувалова и в молодости. Тем не менее именно Вольтеру, как лучшему автору Европы, Иван Иванович заказал создать «Историю России при Петре Великом». Их переписка была довольно оживленной. Философу посылались богатые материалы, подготовленные Академией наук. При чем работавшие с ними Ломоносов, Миллер и Штелин были крайне недовольны, что им как историкам

⁵ Из произведений русских мыслителей второй половины XVIII в. — М., 1952. С. 92.

⁶ Дашкова Е.Р. Записки. 1743—1810 / Подг. текста, ст. и комм. Г.Н.Моисеевой. — Л., 1985. С. 6.

⁷ Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века // Страницы политической истории России XVIII века. — М., 1988. С. 255.

⁸ Архив князя Воронцова. Т. 6. — М., 1874. С. 305.

⁹ Тимковский И.Ф. Записки // РА, 1874. Кн. 6. Стлб. 1455.

предпочли заграничного литератора. Но имя Вольтера должно было сделать книгу популярной за границей.

Иван Иванович надеялся, что издание не увидит свет, прежде чем не пройдет редактуру в России. Работа щедро оплачивалась, да и источники шли из Петербурга, при этих условиях вряд ли автор имел право на полную самостоятельность. Но Вольтер рассудил иначе. Он не позволил себя редактировать и выпустил первый том труда без цензуры со стороны заказчиков. Несмотря на то что Петр I был превознесен до небес, русская сторона все же осталась недовольна трактовкой многих событий, описанных в книге. Шувалов, как главный инициатор привлечения Вольтера к работе, вызвал неприязненные отзывы вельмож, причем уже после смерти Елизаветы Петровны, когда его положение было особенно шатким. Однако мягкость и терпение не изменили Ивану Ивановичу даже в таких обстоятельствах, он очень аккуратно советовал Вольтеру повременить с выходом второго тома, пока текст не получит одобрения в России¹⁰.

Пока Иван Иванович оставался в силе, он стремился как можно больше сделать на поприще русского Просвещения. По его убеждению в стране необходимо было создать университет и, возможно, не один, открыть Академию художеств и основать гимназии в каждом губернском городе. Ничего фантастичного в этой программе не было, но для своего времени она казалась даже смелой. Шувалову удалось воплотить многое из задуманного. 12 января 1755 г. в день именин его матери — знаменитый Татьянин день — был открыт Московский университет, куратором которого стал сам Иван Иванович. В 1757 г. по его проекту была учреждена Академия художеств, а в 1758 г. — Казанская гимназия.

Изучение истории основания Московского университета показывает, что инициатива его строительства принадлежала М.В.Ломоносову. Однако осуществить эту идею без деятельного и настойчивого продвижения проекта со стороны фаворита было практически невозможно. Шувалов с самого начала выступил в данном вопросе союзником и покровителем Ломоносова¹¹. В качестве куратора Иван Иванович занимался подбором профессуры, устройством быта преподавателей и студентов, участвовал в написании программ. Он отвечал за бюджет, работу типографии, сочинял юридический статус университета. Именно благодаря Шувалову, университет получил автономию от местных властей и целый ряд привилегий¹². Кроме того, Иван Иванович безвозмездно передал новому учебному заведению часть своей огромной библиотеки и потом еще докупал и дарил книги.

С Ломоносовым Ивана Ивановича связывала 13-летняя дружба, не всегда безоблачная, но очень плодотворная. Фаворит явно находился под влиянием более зрелого и опытного партнера. Его восхищали работы Ломоносова в области русского языка. В то же время резкий, неуживчивый характер великого ученого доставлял Шувалову немало неприятностей. Всегда избегавший конфликтов Иван Иванович старался не втягиваться в дразги Академии наук, но в то же время умел защищать своего вспыльчивого протеже перед президентом Академии К.Г.Разумовским, на которого, в свою очередь, влиял недруг гениального помора — Г.Н.Теплов. Были у Шувалова и барские замашки, оскорблявшие Михаила Васильевича. Фаворит мог пригласить к себе на обед Ломоносова вместе с его старинным поэтическим соперником Сумароковым, чтобы развлекаться, глядя на их споры. Происходящее казалось Шувалову забавным, а Ло-

¹⁰ Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. — СПб., 1870. С. 381—386.

¹¹ Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. — М., 2000. С. 42—45.

¹² Полное собрание законов. Т. XIV. № 10781.

моносов впоследствии гневно писал покровителю: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет»¹³. И все же их отношения были именно дружбой. Дружбой, где обе стороны не равны друг другу, но и не действуют друг без друга на благо общей цели.

Во главе Академии художеств Шувалов стоял в 1757–1763 гг. Этот период в ее становлении известен как «шуваловский» и высоко оценивается исследователями. Ивану Ивановичу удалось быстро набрать учащихся, пригласить из-за рубежа по-настоящему профессиональных преподавателей и начать работу. В его доме жило несколько пансионеров Академии. Покидая Россию, он подарил своему любимому детищу живописное собрание — более ста полотен Рембранта, Рубенса, Ван-Дейка, Тинторетто, Перуджино, Веронезе, Пуссена и других мастеров. Именно при Шувалове в Академии обучались будущие скульпторы Ф.Шубин и Ф.Гордеев, архитекторы В.Баженов и И.Старов, гравер Е.Чемезов, художник А.Лосенко¹⁴.

Смерть Елизаветы Петровны круто изменила судьбу Шувалова. Из фаворита, влиятельного лица и могущественного покровителя он превратился в человека гонимого, одинокого при дворе, презируемого вчерашними льстецами. Иван Иванович философски принял удар судьбы. Он долгие годы мечтал о покое и свободе, прежние положения их дать не могло. Не позволяло оно и обзавестись истинными друзьями. Чувствуя приближение смерти государыни, Шувалов писал в ноябре 1761 г. Михаилу Воронцову: «Вижу хитрости, которые не понимаю, и вред от людей, преисполненных моими благодеяниями. Невозможность их продолжать прекратила их ко мне уважение, чего, конечно, всегда ожидать был должен и не был столь прост, чтоб думать, что меня, а не пользу свою во мне любят»¹⁵.

В день кончины императрицы Шувалов в отчаянии содрал у себя со щеки кожу. Вместе с его августейшей возлюбленной в прошлое ушла власть, отношение нового государя не сулило ничего доброго. Все попытки сближения с молодым двором еще при жизни Елизаветы не дали желаемых результатов, Петр Федорович и Екатерина Алексеевна искали помощи других лиц. Тогда Иван Иванович принял участие в интриге, целью которой было изменить завещание государыни в пользу маленького Павла Петровича. Этот ход тоже не удался¹⁶.

Сохранился анекдот, по которому Шувалов, чтобы примириться с Петром III в первый же день его царствования вручил новому императору миллион золотых рублей, после чего тот назвал его «честным человеком» и «своим другом». Петр Федорович назначил бывшего фаворита директором Сухопутного шляхетского корпуса. Эта должность, требовавшая военных знаний, была явно не для Шувалова. Над ним посмеивались знакомые, не понимая, как он будет командовать фрунтом кадет и кричать: «На караул!»¹⁷. Сам Иван Иванович жаловался в письме к Вольтеру, что с трудом заставляет себя «входить в подробности, отнюдь не соответствующие той философии», которую хотел бы иметь «единственным предметом занятий»¹⁸. Это мучение продлилось недолго.

После переворота 1762 г. Шувалов оказался совсем не ко двору. Старые трения дали о себе знать. Екатерина II, логикой политической борьбы всегда попадавшая с Иваном Ивановичем в разные придвор-

¹³ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 546.

¹⁴ Анисимов Е.В. Россия... С. 262.

¹⁵ Архив князя Воронцова... С. 299.

¹⁶ Анисимов Е.В. Елизавета Петровна... С. 228.

¹⁷ Письма к И.И.Шувалову // РА, 1869. Кн. 9. Стлб. 1842.

¹⁸ Новые тексты переписки Вольтера: Письма Вольтеру. —Л., 1970. С. 62.

ных группировки и много натерпевшаяся от его родни, едва переносила прежнего фаворита. Лучшим выходом было долгое заграничное путешествие, в которое Шувалов и отправился. Он посетил Италию, Францию и Швейцарию. Гостил в Фернее у Вольтера, был завсегдатаем парижских литературных салонов, побывал в Риме и Неаполе, коллекционировал произведения античного искусства¹⁹. Не стесненный в средствах, Шувалов мог позволить себе жить в свое удовольствие.

Сумел он стать нужным и новому правительству, помогая контактам Екатерины с миром европейских философов, где уже был «своим». Через него шли многочисленные закупки картин, антиков и других раритетов для Эрмитажного собрания. Через 14 лет, когда прежние досады были уже прощены и забыты, Шувалов вернулся в Россию. Вероятно, он имел возможность приехать и раньше. Потепление отношений с императрицей совпало со временем падения группировки Орловых. В 1773 г. Иван Иванович был произведен в действительные тайные советники. Какое-то время бывший фаворит еще оставался за границей, выжидая, как развернутся события на придворной арене и не желая быть втянутым в новые интриги. Его приезд состоялся в 1777 г., и Екатерина встретила Шувалова очень милостиво, пожаловала звание обер-камергера и ордена Св. Андрея Первозванного и Св. Владимира I степени. Это были очень высокие отличия. О благоволении говорил и тот факт, что Шувалов получил право присутствовать на вечерних собраниях императрицы, быть ее карточным партнером и сопровождать в поездках. В частности, он путешествовал с Екатериной II в Крым в 1787 г. Это означало, что отношения восстановились.

В конце века в доме Шувалова собирался круг русских литераторов. Иван Иванович мог с удовольствием видеть, что новая поросль талантов уже не нуждалась во французском «Хамелеоне» как образчике подражания. Ее обслуживало множество журналов, у русской словесности появились свои по-европейски образованные авторы, но с национальными голосами. Собрания в доме Шувалова посещали Г.Р.Державин, Е.Р.Дашкова, И.И.Дмитриев, Д.И.Хвостов, А.Н.Оленин, Е.И.Костров, И.Ф.Богданович и многие другие²⁰.

Умер Иван Иванович 14 ноября 1797 г., простудившись во время поездки в Павловск. Его хоронили при огромном стечении народа, отдать последнюю дань старику пришли все находившиеся в столице выпускники Московского университета разных лет. Место последнего упокоения Шувалов нашел в Малой Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря. Так закончился путь одного из первых русских просветителей и меценатов, заложившего традиции отечественного покровительства науке и искусству. Удивительное сочетание внутренней мягкости и благородства с административными способностями сделало Шувалова уникальным явлением в истории русского Просвещения XVIII в. Он обладал достаточной волей, чтобы реализовывать масштабные проекты вроде создания Московского университета и Академии художеств. И в то же время — удивительным тактом, позволявшим ему взаимодействовать с такими культурными величинами, как Ломоносов и Вольтер.

О.И. Елисеева

¹⁹ Голицын Ф.Н. Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова. — М., 1855. С. 262.

²⁰ Тимковский И.Ф. Записки... Стлб. 1458.